

Спустя много лет она всё ещё хорошо помнила, как, принеся ребёнка домой, они с мужем накормили его рисовым отваром, и тот вскоре открыл глаза.

Как ни странно, малыш не плакал, а широко раскрыв свои большие чёрные глаза, смотрел на них и вдруг улыбнулся.

Лицо, посиневшее от холода, постепенно порозовело, а на фоне этих больших, как виноградины, глаз, мгновенно растопило сердца стариков.

Несколько дней они расспрашивали соседей, но никто не знал, кто мог оставить ребёнка. В управлении гражданских дел им посоветовали: почему бы не усыновить его?

— Хотя вы и не богаты, но, честно говоря, в детдоме ему будет ещё хуже. Там много детей, условия плохие, да и семьи у них нет, — в тот день так уговаривала их сотрудница управления. — Если вы, пожилые люди, усыновите его, у него хотя бы будет кто-то, кто позаботится о нём в старости!

— ...Мы подумали, раз родители его бросили, то, может, стоит усыновить его, — бабушка Цю немного сжалась, глядя на величественного Сян Юаньтао и изысканную Вэй Цин, смутно понимая, что эта пара совсем не из их мира.

— Мы... мы небогаты, живём за счёт сбора мусора, дома бедно, и не смогли дать ему хороших условий, — с сожалением и стыдом добавила она. — Но... но Минцюань сам старался...

Вэй Цин внезапно разрыдалась, крепко сжимая в руках старую пелёнку.

Пелёнка была уже очень старой, видно, что её использовали долгое время, и на одном углу чётко вышиты иероглифы «Цюань», а рядом — маленькие луна и солнце.

Золотые нити уже потускнели, под воздействием времени потеряв свой блеск.

Услышав её плач, дедушка Цю опустил голову. Его руки слегка дрожали, и вдруг он с усилием выдавил:

— Ребёнку с нами было тяжело.

Вэй Цин резко прекратила плакать. Она пристально посмотрела на стариков, затем встала и, опустившись на колени, поклонилась им.

— Нет... нет, вы двое — наши благодетели, — слёзы текли по её лицу. — Если бы не вы, Минцюань, возможно, замёрз бы на улице! Благодарю вас! Спасибо, что спасли его, так хорошо заботились о нём и воспитали таким замечательным человеком.

Сян Юаньтао тоже выпрямился и, склонившись под прямым углом, торжественно произнёс:

— Благодарю вас. Эта забота и воспитание — так много для нас, мы никогда не сможем отплатить вам!

Старики были шокированы. Бабушка Цю засуетилась, пытаясь поднять Вэй Цин:

— Это слишком! Дочка, вставай, быстро вставай.

Дедушка Цю тоже резко поднялся, растерянно пытаясь остановить Сян Юаньтао:

— Не надо, не надо!

Сян Юаньтао не сдвинулся с места. Твёрдым голосом он сказал:

— Вы, старики, воспитали Минцюана прекрасным человеком. Даже если бы он рос с нами, мы бы не смогли воспитать его так хорошо.

Он задумался, и в его памяти неожиданно всплыли давние картины.

Первая встреча — полуголый мальчик в рваной ватной куртке, спокойно срубивший злодея, хитро указавший на лживого полицейского; затем — юноша, на стадионе Цзянвань в одиночку справляющийся с тысячами врагов.

Позже — предупреждение о кризисе с сертификатами на подписку в Наньчжэне, личное участие в разработке стратегии, успешное разрешение огромного кризиса.

А прошлой ночью, в эти ужасные несколько часов, он в одиночку заменил Сян Чэна, защитил Вэй Цин и, в конце концов, сам принял пулю на себя!

Оказывается, все воспоминания о Цю Минцюане, от первой встречи до сегодняшнего дня, он хранил в своём сердце, как будто невидимая красная нить связала его взгляд с этим ребёнком.

Сходство с дочерью Минли, их общий математический талант, унаследованный от матери, та непонятная связь, которая всегда их объединяла... всё нашло своё объяснение.

Их с Вэй Цин сын.

Ребёнок, который, как они думали, умер много лет назад, превратившись в прах на чужбине...

Он посмотрел на лежащего в больничной койке Цю Минцюана, и сердце его сжалось от боли. Они, как родители, никогда не дали ему ни капли заботы и защиты, но, кажется, всегда получали от него благословения.

Дедушка Цю молча смотрел на Цю Минцюана и тихо сказал:

— Мы его ничему не учили... всё он сделал сам.

Вэй Цин с беспокойством посмотрела на него:

— Минцюань был послушным ребёнком? Не могли бы... рассказать нам что-нибудь, всё, что угодно.

Бабушка Цю, стоя рядом, с сожалением добавила:

— Минцюань был очень послушным. Денег в доме не было, он был маленьким и худым, да ещё...

Она замялась, с трудом произнося:

— Да ещё соседи знали, что он подкидыш, и потому его часто обижали. Но он терпел, не жаловался. Потом, когда пошёл в среднюю школу, стало легче.

Она задумалась: с какого момента Минцюань вдруг повзрослел? Из мальчика он превратился в юношу, а затем вырос в того, кем он стал сейчас.

Сильный, смелый, с собственным мнением, способный спокойно и мудро поддерживать всю семью, став опорой их бедного дома.

Но теперь он лежит.

Четверо взрослых молча смотрели на Цю Минцюана, и вдруг дедушка Цю заплакал, сдерживая рыдания.

— Он ещё не узнал своих настоящих родителей, как же он может так спать? — повторял он. — Почему он не просыпается... это неправильно.

Сян Юаньтао отвернулся, сдерживая слёзы, готовые хлынуть.

— Врачи говорят, что он может проснуться в любой момент. Мы должны верить, — крепко обняв дрожащую жену, он говорил как будто для стариков, но и для себя и жены. — Небо не забрало его много лет назад и специально вернуло к нам, оно не позволит ему спать вечно!

Отёк в голове Цю Минцюана всё ещё не спал. При сильном сотрясении мозга врачи перепробовали все возможные методы, семья Сян использовала все свои связи, Фэн Юньхай даже срочно связался с экспертами из Гонконга и США, но все диагнозы были одинаковы.

— Всё зависит от удачи пациента, или, можно сказать, от воли небес.

Пациент может проснуться через несколько дней, а может через несколько месяцев, но нужно быть готовым к тому, что он может остаться в вегетативном состоянии.

С момента, как Цю Минцюань сошёл с операционного стола, прошло уже двое суток, но он всё ещё не подавал признаков пробуждения.

Жизненные показатели постепенно стабилизировались, внешние раны не инфицировались и не воспалялись, но состояние мозга оставалось тревожным.

Время шло.

Начался учебный год, и в классе третьего года обучения средней школы Цзигуан место бывшего старосты класса Цю Минцюана оставалось пустым.

Не успевший вовремя начать учёбу, он уже провёл в больнице почти месяц.

Хань Ли сидел на последней парте, глядя на пустое место впереди, и сердце его сжималось от боли.

Два года учёбы, и никто в классе не мог не любить этого доброго и красивого старосту, девочки постоянно вертелись вокруг него, многие краснели, глядя на него.

Но теперь, главная опора класса, его не было.

Хань Ли с тоской смотрел в окно, взгляд его рассеянно скользил по школьному двору.

Вдали, под ярким солнцем, новички первого года проходили военную подготовку, и вдруг перед его глазами всплыла сцена двухлетней давности.

Вдали, стройный юноша с изящными бровями и глазами поднёс две бутылки газировки к стоящим под наказанием ребятам, улыбаясь и тихо говоря:

— Я оставил вам две бутылки!...

Хань Ли глядел на стекло, и вдруг нос его защекотало, словно он снова видел те пузырьки льда на бутылке.

— Дзинь-дзинь... — звонок последнего урока прозвенел, и Хань Ли, лениво взвалив рюкзак, направился в туалет.

Перед уходом домой нужно было освободиться, и в мужском туалете было много народу. Хань Ли, стоя у писсуара, рассеянно слушал, как рядом парни перешёптывались:

— Эй, слышал, что староста второго класса до сих пор лежит в больнице, не просыпается?

<http://bllate.org/book/16729/1539313>